

Это случилось давно, когда Осирис являлся на землю в образе человека. Нил разливался, как океан, а люди были могучи, как львы, и слабы подобно былинке у подножия пирамид. Тогда еще само время было молодо.

Египтом правил могущественный Фараон - Солнце правителей. Владыка сияния, сын Ра, внук Пта, царь Верхнего и Нижнего Египта. Поистине не было ему равных в подлунном мире. Никто не решался противостоять могущественнейшему из Владык - ни держава хеттов, ни грозное Митанни, ни Вавилон. Не было врага ни в Нубии, ни в Сирии. Дом оружия был заперт. Луки, палицы, боевые топоры и пращи мирно лежали в его кладовых. Воины могли беззаботно вытануться на своих спинах, есть досыта и пить вволю: жены и дети были при них. Вельможи покоренных стран гнули спины рабами в амбарах Фараона. В столицу страны стекались несметные богатства: ароматы и ценное дерево из сказочной страны Пунт, серебро, медь, драгоценные камни. Золото было в Египте что пыль.

Страна благоденствовала, наслаждаясь спокойной жизнью.

Благоденствовал и Фараон. Множество советников и придворных окружало его. Но любил он среди них только чати Рахотепа - мудрого верховного визиря, носильщика опахала по правую руку царя, начальника конницы его величества. Ни одного государственного дела не начинал Фараон без совета с ним. Чати ведал царским дворцом, все канцелярии и управления столицы были подвластны ему, он заведовал землями и каналами, командовал крепостями, набирал войско и флот. Он построил стену от Асуана до Филэ, о которую, как волны о скалу, разбились набеги нубийских кочевников. Он присоединил к Египту медные рудники Синая. Он обнес стенами заболоченные места и осушил их. Количество полей было удвоено, житницы наполнены так, что они ломались. Он наводнил страну пищей и запасами: быками, телятами, гусями, хлебом, вином и плодами. Египет превратил он в цветущий сад.

Поистине, если бы судили боги родиться в этой жизни Фараоном, слава бы о нем пронеслась до отдаленных краев Вселенной.

Завистники, которых и в те времена было немало, вливали в божественные уши Сына Неба клевету на Рахотепа. Шептали и злословили вслух, будто бы вьет он петлю измены, за личной крохотки и послушания таит вероломство.

Фараон отсылал злоречивых наушников в окраинные номы, чтобы там, в мрачных пустынях, в глухих горных ущельях клевета сгинула вместе с ними.

Никогда в сердце своем не помышлял Рахотеп о троне избранныка богов.

Беспредельно умножил Фараон милости к своему слуге. Дворец, что подарил он Рахотепу, можно было бы назвать чудом света, если бы таким чудом не был сам царский дворец.

70 комнат и коридоров насчитывалось во дворце Рахотепа. Парадный зал, покои хозяина, оружейная, зверинец, библиотека, комнаты жены и детей. Стены и полы дворца расписали лучшие художники. Картины битв с врагами Фараона, охоты на Ниле на гиппопотамов, уборки урожая и молениям богам украшали его.

В саду, что был позади дворца, в рощах акаций, финиковых пальм и сикомор резвились шаловливые обезьянки, порхали оранжевые хохлатые удода. На лужайках, среди цветов, распустив веревом пышные, радужные хвосты, гуляли павлины, а ночью меж деревьев бесшумно, как тени, появ-

Роберт БАЛАКШИН

Маленький зеленый крокодил

(египетская легенда)

лялись в свете луны и исчезали длинноногие, угольно-пятнистые сторожевые гепарды.

Посреди сада раскинулся великолепный пруд. В нем цвел лотос и лилии, плескались красногрудые гуси и кричали утки, вышагивали розовоногие фламинго, а в просторных садках бродила густыми стадами лакомая отборная рыба. Пруд был так велик, что когда ночью богиня Нут надевала свой темный плащ, то ее дети - звезды все до единой отражались в нем.

Как чаша, была полна сокровищница Рахотепа. В ней багровели рубины и небесно сиял лазурит, рядом с ярким изумрудом темнел нефрит из далекого Китая, индийские алмазы затмевали своим блеском солнце.

Но сокровищем, которым больше всего на свете дорожил Рахотеп, были не слитки золота, не жемчуг, который доставали ныряльщики из пучин аравийских морей, не резные перстни из хальцедона, яшмы и сердолика, дороже всех богатств была для него жена - прелестная Анхесенпаатон.

Волосы ее, как золотистые лучи восходящего солнца - так были прекрасны они. Глаза ее были подобны кротким глазам газели, мерцающим в сумерках опалам были подобны они. Ее голос струился, как хрустальный ручей в горах, как воркование голубки, как пение лютни звучал он.

Поистине не рождалась на земле женщина, которая превзошла бы красотой несравненную Анхесенпаатон.

Но как лев прыгает из засады на жертву и ударом могучей лапы сокрушает ей хребет, как гнев богов постигает людей, и тогда дрожит земля и колеблются незыблемые храмы, так настал тот черный день, когда Рахотеп узнал, что лишился своего сокровища, любовь его похищена.

Правитель сада донес ему, что во время его поездки на серебряные рудники Анхесенпаатон купалась в пруду со старшим писцом, оставленным за хозяина дома.

Не поверил этому Рахотеп. Этого не могло быть. Однако призванные свидетелями Начальник пруда, Учитель гепардов и Кормитель священных кошек удостоверили горькую правду.

Воспылав гневом, чати хотел кинуть старшего писца голодным гиенам, которым отдавали на расправу дерзких рабов, но, следуя мудрому правилу, отсрочил свой приговор до завтра.

Ночь он провел в горестных тяжких раздумьях. Почему так случилось? Почему жена - отрада и

утешение его дней, мать его троих сыновей, командовавших отрядами царской гвардии, презрела его любовь, променяла ее на ласки писца, которого он мог смести с лица земли, как присохшее зернышко проса с хлебной лопаты? Как найти ответ на эти вопросы? Ведь любовь - это тайна, а тайны ведомы одним богам. Поэтому, как решат боги, так и должно быть.

Утром, лишь только Ра выплыл на солнечной барке на синее море неба, Рахотеп, не сомкнувший ночью глаз, направился к Верховному жрецу.

Выслушав чати, жрец сказал:
- Следуй за мной, господин.

Длинными сумрачными переходами, шествуя в прохладной тишине вдоль колонад, как в лесу величественных окаменевших стволов лотоса и папируса, они вступили в святилище богини Нейт - Великой Матери богов, крокодилов и людей. Богиня, восседавшая на возвышении в короне Верхнего и Нижнего Египта, кормила грудью двух младенцев-крокодилов.

Воскурив душистый фиммиам перед статуей богини, жрец запел священные гимны. Это он проделал трижды, раз от разу увеличивая протяженность гимнов и заклинаний.

Завершив тайнодействие, жрец почтительно, двумя руками поднял какой-то предмет, лежавший между ног богини, и, поклонившись, вручил его Рахотепу.

На ладони чати находился крошечный, величиной не более семи пальцев, крокодилчик. Изумрудная, влажно блестящая зелень кожи на спине перетекала в коричневатую-желтую, как Нил в половодье, рубчатую с черными крапинами кожу живота. Спина, оснащенная пятью рядами гребней, как пятью рядами пил, переходила в гибкий хвост. Коготки лап, поджатых к животу, кололи как иглы, а в приоткрытой пасти виднелись белые, острые, как серпы жнеца, зубы. В глаза крокодилчика было жутко смотреть: казалось, вот-вот они моргнут.

- Ни одно преступление не может остаться безнаказанным, - сурово возвестил Верховный жрец. - Любовью боги создали мир. Предавший любовь не достоин жить. Пусти дитя Нейт в пруд, если нечестивцы вновь окажутся в нем. Ты увидишь, что будет.

Вернувшись домой, Рахотеп не находил себе покоя. Ведь от жреца он принес смерть для любимой жены. Вспоминая минувшие годы, первую встречу с Анхесенпаатон во дворце Сына Неба, он видел, что любовь по-прежнему жива в его серд-

це. Может, он в чем-то виноват, что она разлюбила его? Как ткачиха перебирает нити в станке, так день за днем перебрал чати в воспоминаниях свою жизнь. Государственная служба, опасные военные походы - он надолго отлучался из дома, но всегда думал и помнил о ней. Каждая встреча по возвращении была для него праздником.

А как сумеет объяснить случившееся сама Анхесенпаатон?

Она явилась к нему, умащенная благовониями. Золотые браслеты с голубыми скарабеями Хепри были на хрупких руках ее. Прозрачно-воздушный хитон облекал ее тонкое тело. Волосы, стянутые по лбу голубой повязкой с нашитыми на нее рубинами, ниспадали на плечи множеством струек-косичек, в каждой из которых блестяла серебряная или золотая нить с бирюзовой подвеской на конце ее. Взгляд не мог насытиться, созерцая эту красоту.

Не дав мужу вымолвить слова, покрывая его руки, грудь и лицо поцелуями, Анхесенпаатон, ласкаясь, поведала ему свою обиду: Правитель сада домогался ее любви, но, получив гордый отказ, теперь порочит ее слухами, низко мстит ей.

- Но так говорит не один он, - угроюще возразил Рахотеп.

- Зачем слушать злых людей, - с заблестевшими от слез глазами говорила Анхесенпаатон, - когда я люблю тебя? Неужели ты не веришь мне?

Как ни было больно Рахотепу, он велел попытать Правителя сада, Начальника пруда, Учителя гепардов и Кормителя священных кошек, долгие годы преданно служивших ему. А Учитель гепардов даже спас ему жизнь в битве под Мегиддо.

Любившие своего господина слуги не пожелали купить ложью избавление от мук. Претерпев жестокие пытки, никто из них не отрекся от своих слов, однако Правитель сада, должно быть, не вынес позора, на другой день повесился на ветви акации в саду.

«Кому верить? - взволнованный его гибелью,

терзался сомнениями Рахотеп. - Анхесенпаатон или слугам?»

Вскоре чати собрался в поход ко второму порогу Нила. Вечером его дворец засиял огнями, наполнился музыкой: чати давал прощальный пир. Проворные, ловкие танцовщицы услаждали гостей своим искусством. Мимы разыгрывали сцены из жизни богов. Прибывшие из Греции бродячие сказители пели о деяниях героев. Эти музыку и песни могли слышать Начальник пруда, Учитель гепардов и Кормитель священных кошек, томившиеся в грязной, кишевшей крысами и ядовитыми змеями подземной тюрьме. Им, обоглавшим супругу чати, жить оставалось до возвращения хозяина из похода.

На рассвете открылись дворцовые ворота. Под охраной боевых колесниц и отряда воинов тронулся в путь караван. Побрякивали бубенцы верблюдов, шагали, отягощенные поклажей, мулы. Шли воины, писцы, носильщики, повара. Все знали, что ночью хозяин внезапно занемог, но, покорный воле Фараона, не отложив похода. Его, больного, несли в плотной занавешенных ковровых носилках.

Стихая, смолк вдали шум каравана. Чати, находившийся в потайной комнате дворца, никем не замеченный, прокрался на берег пруда, укрывшись в зарослях тамариска.

Недолго пришлось ждать ему. Внутри дворца послышались напевы лютни, в переливчатое пошвыстывание свирели вплеталось ритмичное пощелкивание систра. Страстная мелодия нежных, чарующих звуков все слышней, ближе.

В гирляндах цветов, в сопровождении свиты служанок-рабынь, Анхесенпаатон, накануне ласково прощавшаяся с ним, шла к пруду со старшим писцом. Опьяненный страстью, обезумев от мнимой безнаказанности, вор любви пел:

«Как сладки финики на высокой пальме,
Так сладки твои долгожданные губы.
Позади тревоги и страха. Мы одни.
Вкусим же радости чистой любви.
Враги наши повержены и далеко старый хозяин...»

Рахотеп удержал закипевшую в груди ярость, хотя зрелище, которое он наблюдал, раздирало его сердце.

Уже сброшены легкие одежды. Беспечные любовники под пахучим дождем лепестков роз, которые из серебряных корзин сыпали на них рабыни, сошли в пруд. Звуки поцелуев, счастливый восторженный смех стелились по водной глади.

Чати положил крокодилчика на воду. Малютка затонул и в один миг - скорее чем человек успеет испугаться - вдруг вырос в громадного, семи локтей роста, крокодила. Страшным мертвым бревном покоился он на дне. Но вот, закрутив на поверхности воды легкие выюнки, шевельнулся грозный зубчатый хвост, моргнули выпуклые глаза, длинное гигантское тело затрепетало, оживая, наполняясь могучей, хищной силой.

Свирепая зеленая молния, рассекая воду, ринулась вперед, и крики Анхесенпаатон и старшего писца слились в захлебнувшийся вопль. Завизжали, разбегаясь, служанки, загомонили в ветвях пальм обезьяны...

Взбурлившаяся гладь пруда улеглась, снова стала как зеркало, только в одном месте вода покраснела, словно со скользлившей по пруду прогулочной папирусной лодки кто-то пролил в воду из разбившегося бесценного сосуда немного гранатового сока.

Страницу подготовил
Александр ЦЫГАНОВ.